

И.В. Ивлева

К ИЗУЧЕНИЮ МИГРАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ПОСТСОВЕТСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Рецензия на книгу: Космарская Н.П. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии 1992–2002). М.: Наталис, 2006. — 597 с. ISBN 5-8062-0212-7.

Даже тех, кто никогда не был в Киргизии, эта книга не может оставить равнодушными, ведь она затрагивает события недавнего прошлого, связанные с распадом «советской империи». Но все же эта работа не столько о прошлом, сколько о настоящем. О том, как мы пережили, а, может быть, переживаем до сих пор потрясения начала 1990-х. Книга Н.П. Космарской уже вызвала определенный резонанс в научной среде. Однако, как ни странно, реакция последовала в большей мере со стороны ученых из ближнего и дальнего зарубежья (см. Российская наука о «русских» ближнего зарубежья... 2008). В то же время, как мне кажется, работа Н.П. Космарской заслуживает более широкого обсуждения, хотя бы потому, что это одно из первых исследований такого масштаба о постсоветском Киргизстане.

В этой книге, относящейся к области этнокультурных исследований, обобщен более чем десятилетний опыт работы автора. В ней представлен богатый эмпирический материал, собранный путем комбинирования количественных и качественных методов. При этом один из важных аспектов исследования Н.П. Космарской представляет процесс миграции русскоязычного населения из Киргизстана в Россию и обратно. Таким образом, можно сказать, что эта работа не только о Киргизии, но и о России. Феномен исхода русскоязычного населения из бывших советских республик в начале 1990-х гг. стал одним из значимых фокусов в исследованиях миграционных процессов и в общественно-политической дискуссии. Однако изучение русскоязычных из перспективы постсоветских стран представляет собой несколько неожиданный подход

к проблеме, достаточно редко встречаемый в отечественной научной литературе. Возможно, относительная редкость таких работ вызвана высокой затратностью исследовательских проектов, реализуемых за пределами России. Но и в России крупные исследования, посвященные русскоязычным мигрантам, не так уж часты. Н.П. Космарская отмечает монографию С.С. Савоскула (Савоскул 2001), в основе которой лежат опросные техники сбора данных, монографию этнопсихолога Н.М. Лебедевой (Лебедева 1997), а также проект качественного исследования С.В. Дамберга и И.Г. Киселевой «Другие русские» (Дамберг, Киселева 2001). В остальном данной тематикой чаще занимаются западные ученые, говорящие о возникновении русских диаспор в ближнем зарубежье. Однако точка зрения Н.П. Космарской далеко не во всем совпадает с их оценками, а потому она предлагает свою, эмпирически фундированную, трактовку происходящего.

Говоря о мифотворчестве в прессе и науке, автор пытается разрушить некоторые стереотипы, возникшие в связи с «проблемой соотечественников». Миграция русскоязычных в Россию, особенно интенсивно происходившая в первой половине 1990-х гг., может восприниматься как феномен, в чем-то аналогичный репатриации евреев в Израиль. Причем не вызывает сомнения, что миф о воссоединении еврейского народа поддерживается вполне сознательно. Но здесь возможно проводить и другие параллели (например, с российскими немцами в Германии). С точки зрения массового сознания идея объединения разделенного или живущего в рассеянии народа обладает огромной притягательной силой. Именно это обстоятельство создает благодатную почву для формирования соответствующих идеологий, а также может вольно или невольно способствовать тому, чтобы поднять с насиженных мест массы людей. На уровне разговоров многие политики поддерживают идею возвращения русских в Россию. Однако на практике ситуация выглядит иначе. Описывая на конкретных примерах сложные и неоднозначные попытки русскоязычных мигрантов адаптироваться к жизни на «исторической родине», Н.П. Космарская не без оснований критикует провальную программу их возвращения в Россию. При этом она, с одной стороны, фиксирует обвальное падение миграционной активности русскоязычных во второй половине 1990-х (с. 67), — согласно приводимым ею данным, основная часть «европейцев», как их еще называют, покинула Киргизстан уже в 1993 г. (с. 59), — с другой, она отмечает, что существовавшие на тот момент темпы миграции продолжают неоправданно проецироваться на будущее, а это, в свою очередь, свидетельствует об инерции, при которой старые тенденции развития оказываются действующими ныне (с. 71). В результате и в конце 1990-х гг. журналисты по-преж-

нему «трубили» о том, что миграция грозит взорвать Россию, и продолжают делать это сейчас, но предметом беспокойства ныне выступают другие категории мигрантов.

Спад миграционной активности русскоязычных можно объяснять целым комплексом причин. Прежде всего, здесь должны учитываться эффекты «выталкивания» и «притяжения» со стороны Киргизстана и России (push/pull effects) (с. 234). По мнению Н.П. Космарской, анализ миграционных процессов зачастую является односторонним, проводится в основном при учете влияния полюса России (с. 493). При этом подразумевается, что она является полюсом притяжения, тогда как Киргизия автоматически становится полюсом выталкивания (с. 87–88). В действительности же речь должна идти о том, что в обеих странах одновременно действуют свои специфические эффекты выталкивания и притяжения, т. е. фактическое положение дел сложнее. Впоследствии, когда возник феномен возвратной миграции в Киргизию, стало ясно, что у этой страны тоже есть определенные факторы притяжения (например, более комфортные жилищные условия у русских, локальный социальный капитал, привычный для них климат и не в последнюю очередь более высокий общественный статус, чем в России). Можно было ожидать, что адаптация русскоязычных в России в силу их большой близости с россиянами будет носить довольно мягкий характер. Однако на поверхность всплыли непредвиденные ранее эффекты выталкивания со стороны России. Возвратные мигранты рассказывали о том, что их «поджигали, вредили, какие-то козни устраивали» (с. 206). Жаловались также, что в России они стали людьми «второго сорта» (с. 207). Кроме этого, выяснилось и то, что русскоязычные выходцы из Центральной Азии в сельской глубинке отличаются более высоким материальным достатком, а также иным менталитетом. Этот негативный опыт в дальнейшем осмысливается в различных формулах: «мы России не нужны»; «там нас не ждут» и др. (с. 91). Новым для самих русскоязычных мигрантов стало осознание своей инаковости, отличности от остальных россиян на ментальном уровне. На этом основании Н.П. Космарская по праву демифологизирует Россию как «историческую родину». Это всего лишь конструкт, а в действительности русскоязычные скорее считают своей родиной Киргизстан.

Основной посыл книги Н.П. Космарской состоит в том, чтобы, в противоположность расхожим мнениям, показать, что у русскоязычных есть шансы на достойное будущее в Центральной Азии и что проблема дискриминации в Киргизии не является ключевой. Можно согласиться с Н.П. Космарской, что роль этнического фактора в Киргизии оказалась ниже, чем изначально ожидалось. Но это не означает, что

в начале 1990-х гг. он не имел большого значения — напротив, именно он создавал сильный выталкивающий эффект. Говоря об этом, с одной стороны, автор с должной тщательностью фиксирует все детали. С другой, в ее прочтении дело обстоит так, будто русские уезжали из-за ухудшения межнациональных отношений, хотя проблемы-то никакой и не было. Естественно, что ситуация в Киргизстане не была равнозначна тому, что происходило в зонах этнических конфликтов. Однако, пытаясь доказать свой ключевой тезис, Н.П. Космарская все же явно преуменьшает значимость бытового национализма в начале 1990-х гг. Так, например, в ответ на предложение рассказать о наиболее запомнившихся случаях конфликтов на этнической почве в работе приводится список немного нелепых ситуаций. Среди них были, например, такие: «киргизы говорили грубости»; «требовали бутылку спиртного»; «поспорили с соседом из-за стоянки машины» (с. 115). И только в конце два самых небезобидных случая: «на рынке когда торговала, киргиз опрокинул ведро малины»; «подъезжает пьяный киргиз на лошади, кричит, чтобы уезжали, камчой машет, ударил плеткой» (там же). На основании этих ответов Н.П. Космарская делает вывод: «Но все же, на мой взгляд, вряд ли большую их часть можно классифицировать именно как „конфликт“» (там же). Несмотря на то, что неполнота ответов и их ситуативная обусловленность контекстом очевидны, встает вопрос о том, что считать в данном случае конфликтом? На мой взгляд, автор осознанно или неосознанно совершает подмену понятий этнического конфликта и бытового национализма. В самом деле, все названное ею можно считать не этническим конфликтом, но скорее всего бытовым национализмом. Удивляет только, что эти ответы никак не уточняются и не конкретизируются. Можно предположить, что раз информанты трактуют эти ситуации как ущемление на национальной почве, значит, требуя бутылку спиртного или говоря грубости, киргизы тем или иным образом задевали их национальное достоинство. Но это так и остается загадкой.

Этнические конфликты зачастую могут быть связаны с риском для жизни, в то время как бытовой национализм — совсем не обязательно. Последний в большинстве случаев подразумевает как раз мелкие повседневные стычки и притеснения. Но правда состоит в том, что люди способны жить практически в любом обществе, невзирая даже на постоянное присутствие этнического негативизма и напряженности. На это указывают все те случаи миграции из отсталых, бедных стран в более развитые, когда, несмотря на дискриминацию и неприятие местного населения, мигранты не испытывают большого желания вернуться на родину. Бытовой национализм в начале 1990-х стал как раз тем новым явлением, которое русскоязычные Киргизии ощутили после распада

Советского Союза. И нельзя сказать, что в книге приводится мало доводов на этот счет. Просто Н.П. Космарская склоняется к тому, чтобы объяснять негативные оценки информантов того времени скорее как случайность. В итоге они связываются либо с их личными особенностями, либо это какой-то особый случай (как, например, информанты С.В. Дамберга и И.Г. Киселевой), либо что-то еще. По тому же принципу один из показательных примеров, объясняющий ситуацию тех лет в Киргизстане, как бы случайно оказывается в сноске. Но автор, приводя цитаты из интервью, словно не замечает и других упоминаний межэтнической напряженности.

Основываясь на материалах Н.П. Космарской, попробуем все же воспроизвести ситуацию начала 1990-х гг. в Киргизии. В тот период в стране проходили митинги, пусть даже малочисленные, когда, растянувшись примерно на километр, по улицам ходили киргизы и в рупор призывали русских уезжать (с. 162, сноска 25). Конечно, эти высказывания не затрагивали напрямую большинство информантов Н.П. Космарской, но, будучи даже услышанными на балконе или у окна, они не могли не вызвать у них сильной растерянности и тревоги. Прямо в книге об этом говорится лишь два раза: «Подстрекательства, в общем, было много, и клюнули на это очень многие тогда. Потому что мы тогда сидели, боялись, стекла бились» (с. 119); «Мы были напуганы, вот этих местных беспорядков, мы просто были напуганы» (с. 221). Или, например, в транспорте можно было неожиданно услышать такие реплики: «Что ты, русская, тут расселась, уступи мне место. Я киргизка, это моя земля!» (с. 137). Национальное возрождение сопровождалось также появлением националистических лозунгов из разряда «Киргизстан — для киргизов!» (с. 107). В начале 1990-х до такого не доходило даже в Литве, хотя там подобные настроения витали в воздухе уже в первой половине 1980-х. И это при том, что статус русскоязычных в Центральной Азии был выше. Не раз информанты отмечали общее давление: «Лица стали неприветливыми; раньше спросишь — ответит, а теперь на киргизском или молчит» (с. 112); «...была такая обстановка, атмосфера немножко гнетущая; ко всему прочему часто начали встречаться такие случаи, например, какой-нибудь подвыпивший национальный кадр пройдет по улице и начинает ни с того, ни с сего оскорблять; я сама была свидетелем этому, когда просто мужчине дали палкой по голове» (с. 147–148); «все стали кричать о независимости здесь, даже наши врачи, интеллигентные люди, с высшим образованием, нам говорили: — Не хотите учить язык, мол, собирайтесь и уезжайте в свою Россию» (с. 228). Более того, по данным опроса Н.П. Космарской, в 1992 г. ответы на вопрос «В этом году были ли Вы свидетелем конфликтных ситуаций на нацио-

нальной почве?» распределились следующим образом: 36 % киргизов и 27 % русских отвечали, что «нет», 46 % и 54 % — «да, в единичных случаях», 16 % и 17 % — «да, довольно часто» (с. 113). Несмотря на это, Н.П. Космарская приходит к заключению: «Можно поэтому предположить, что ни с точки зрения интенсивности конфликтов по времени, ни по охвату сообщества русскоязычных вширь, они не были явлением массовым, фактом их повседневной жизни» (там же). Однако тут трудно согласиться с автором. Не может быть сомнений в том, что бытовой национализм в Киргизии в начале 1990-х был массовым явлением, даже если нагнетание атмосферы продолжалось не слишком долго. Именно это обстоятельство послужило серьезным выталкивающим фактором для миграции русскоязычных в Россию, хотя он был не единственным.

То, что автор преуменьшает значимость атмосферы тех лет, можно объяснять наличием более свежего эмпирического материала, обновленным взглядом информантов на собственное прошлое. Несомненно, спустя годы они стали проще относиться к тем событиям. В дальнейшем стало понятно, что это было «наносное», всего лишь временное умонастроение. Но это не значит, что бытового национализма в Киргизии не было и что статус русскоязычных никак не изменился. И это не означает, что точно так же с межнациональной проблемой обстоит дело в других постсоветских странах. Общеизвестным является факт наличия так называемых «не-граждан» в Эстонии, что, впрочем, не помешало русскоязычным, живущим там, смириться с этим обстоятельством. Но важно иметь в виду и то, что люди, временно или систематически подвергающиеся притеснениям и дискриминации, неохотно вербализируют этот болезненный, травматический опыт. Поэтому прямые вопросы на эту тему скорее всего не дадут результата, что и случилось в исследовании Н.П. Космарской, когда информанты стали отвечать невпопад. При этом нельзя забывать, что бытовой национализм, как и расизм, может быть встроен в структуру общества, являться постоянным фактором отношений. В этом плане многое зависит от сложившегося в той или иной стране этносоциального порядка. Он является довольно статичным, даже если учитывать всю динамику трансформаций, происходивших в Киргизстане. К сожалению, вопрос об этнической или этносоциальной иерархии киргизского общества от Н.П. Космарской совершенно ускользает, хотя в цитатах и данных опросов есть кое-что и об этом. На мой взгляд, именно в этом аспекте ей не хватило пронизательности. Конечно, факты могут как бы говорить сами за себя, но все же их нужно подвергать интерпретации.

Если вести речь об этносоциальной иерархии в Центральной Азии, то в советский период она была несколько иной. В Киргизии русские,

очевидно, находились наверху пирамиды вместе с русскоязычными киргизами. При этом они нередко воспринимали себя почти элитой. Их самоощущение могло включать как чувство уважения и гордости за себя, так и чувство превосходства и снисходительности к тем, кто занимал более низкую ступень в иерархии. Но чувство превосходства, как отмечают информанты Н.П. Космарской, относилось, прежде всего, к сельским киргизам (с. 141). Ситуация начала 1990-х грозила серьезными деформациями сложившегося этносоциального порядка, с чем довольно трудно было бы смириться русским. Однако этого не случилось. Последовавший в дальнейшем экономический кризис расставил все на свои места, существенно сбавив националистический пафос киргизов. Свою роль здесь сыграла также историческая память о русских в регионе. Уважение к ним со стороны старых киргизов осталось (с. 117). В Киргизии сохранилась дореволюционная память о русских, которые несли в Центральную Азию просвещение. Это совершенно другая точка отсчета по сравнению со странами Балтии, которые в свою очередь традиционно ориентируются на Западную Европу. Русский язык и русскоязычные в Киргизии, как дает понять Н.П. Космарская, по-прежнему ассоциируются с городской жизнью, современностью и более высоким уровнем цивилизационного развития. Как оказалось, это обстоятельство имеет немаловажное значение для русскоязычных и является существенным фактором притяжения со стороны Киргизии, особенно если вспомнить, что в России они почувствовали себя людьми «второго сорта»: «Уезжающие в Россию остаются там ни с чем, а здесь у них было все необходимое для нормальной жизни. Да и россияне к этим приезжим относятся намного хуже, чем к нам киргизы» (с. 277). По существу, в российском обществе русскоязычные выходцы из Центральной Азии заняли положение, сходное с другими мигрантами. Поэтому представляется вовсе не случайным, что русских, выехавших из Киргизии, в России называют киргизами (с. 250).

В Киргизии же все наоборот: «...когда идешь по улице — ничего подобного: ты равный среди граждан. И больше того, ты некоторое преимущество имеешь, поскольку ты к цивилизации привык, а киргиз, который спустился с гор, менее цивилизован» (с. 207). Оставшиеся в Киргизстане русскоязычные и возвратные мигранты, согласно данным Н.П. Космарской, позднее стали отмечать стабильность существующего там порядка. В 1996 г. на вопрос «Чем вам нравится Киргизия?» респонденты не раз в открытых ответах указывали на стабильность в отношениях людей (с. 271–272). В опросе 1998 г. стабильность наряду с другими позитивными моментами отметили 20 % мужчин и 5 % женщин из группы остающихся (с. 273). То, что здесь определено подразу-

меваются стабильность этносоциального порядка, становится понятно из ответа на тот же вопрос одного респондента из Узбекистана. Совершенно не двусмысленно он отметил, что Киргизия нравится ему «стабильным положением русских» (с. 291). Конечно, это мнение отчасти отсылает к ситуации в Узбекистане, но обсуждать это при отсутствии информации не входит в нашу задачу. Показательны также и приводимые Н.П. Космарской варианты ответов, которые русскоязычные респонденты предпочли выбрать в опросе 1996 г. Не считая затруднившихся с ответом (их было 2,3 %), только 8,5 % считали, что «В ближайшее время все русские уедут из Киргизии». 33,2 % респондентов полагали, что «Русские останутся и смирятся с существующей ситуацией». 55,9 % исходили из того, что «Русские останутся и будут бороться за расширение своих прав» (с. 279). На этом основании вполне можно оценить самооощение русских и стратегии их поведения на будущее. Тот факт, что, с одной стороны, русскоязычные в Киргизстане удовлетворены стабильностью этносоциального порядка, а, с другой, все же намерены бороться за расширение своих прав, указывает на то, что их статус изменился, хотя не настолько драматически. Ожидания были куда более пессимистичными.

В чем же состоят изменения, если волна бытового национализма, в целом, прошла? Материалы Н.П. Космарской говорят о том, что русскоязычные в Киргизии не представлены на «политическом Олимпе», на верхних этажах госслужбы (с. 299–301). По существу, многие оказались вытеснены в частный сектор, позволяющий получать относительно неплохие заработки. Кроме того, Н.П. Космарская подробно останавливается на юридическом и фактическом статусе русского языка. В 1993 г. формально он утратил статус государственного языка. На первых порах простые киргизы повели своих детей в открывающиеся киргизские школы, врачам и другим специалистам предлагалось вести всю документацию на киргизском языке и т. п. Но в дальнейшем оказалось, что есть обстоятельства, которые препятствуют развитию киргизского языка. И дело даже не столько в том, что не развита методика его преподавания и отсутствуют современные учебники. Если бы такая цель была всерьез поставлена, то, наверно, с годами ее можно было бы достичь. Главная причина состоит в том, что приобщение киргизов к современному городскому образу жизни происходит через обучение русскому языку. Быть человеком образованным, приобщенным к плодам цивилизации, к элите в Киргизии равнозначно тому, чтобы стать русскоязычным. Поэтому фактические шансы на радикальное изменение ситуации с киргизским языком низки. Фактическое положение дел показывает, что русский оставался языком межнационального общения и использо-

вался фактически повсюду. При этом в Киргизстане шла постоянная борьба за придание русскому языку статуса второго государственного (с. 167–169). Но лишь в 2000 г. за русским языком признали статус официального, что можно рассматривать как достаточно благоприятное обстоятельство для русскоязычных (там же). Этот аспект проблемы может быть достаточно интересен, особенно при сравнении с другими постсоветскими странами. С одной стороны, страны Балтии полностью перешли на использование своих национальных языков, а потому знание государственного языка русскими увеличилось значительно. С другой стороны, есть страны, в которых, как и в Киргизстане, русский по-прежнему конкурирует с местными языками (в Белоруссии и Украине, например). Наконец, последняя перемена статуса русских связана с их психологическим комфортом. Он, несомненно, присутствует. Но можно предположить, что чувство превосходства в отношении сельских киргизов несколько убавилось. Узнав о проблемах адаптации в России, русскоязычные жители Киргизии стали больше ценить гостеприимность киргизов и их «мягкий нрав» (с. 153, 272). Можно сказать, что отношения с ними стали более равноправными и сбалансированными. Однако при наличии амбиций у русскоязычных определенно есть шанс расширить свои права и войти в политику. Об этом говорит мнение эксперта В. Потоцкого: «все готовы жить... и создавать элиту» (с. 278).

С другой стороны, нельзя забывать, что в Киргизии имеются и другие этнические группы. Об их распределении можно косвенно судить по данным опроса 2002 г. фонда «Сорос-Кыргызстан», на который ссылается Н.П. Космарская. Из него становится ясно, что ущемление по национальному признаку в стране ныне в большей степени испытывают дунгане — 40 % и таджики — 25 %. Русские идут только на третьем месте — 20 %, а узбеки на четвертом — 14,3 % (с. 542). Вопрос о том, как объяснить тот факт, что узбеки меньше всего ощущают притеснения, остается открытым. Но можно допустить, что основная борьба все эти годы шла за пересмотр статуса русских.

Конечно, работа Н.П. Космарской носит во многом эмпирический характер, является многослойной, чем и может быть особенно интересна. В то же время она не лишена заслуживающих внимания попыток теоретизирования, поиска подходящей терминологии. Это касается категорий, которыми оперирует автор и другие ученые. Речь идет о таких понятиях, как дети империи, русские как этническое или постимперское меньшинство, русские диаспоры, автохтоны. Первая категория, достаточно метафоричная, используется редко, по существу, она вынесена только в заглавие книги. Использование второго термина, «русскоязычные», представляется обоснованным, невзирая на то, что можно

также говорить и о «русскоязычных киргизах». Дело в том, что в работах западных исследователей порой встречается понятие «этнические русские» в отношении русских, украинцев, белорусов, татар, евреев, что не совсем корректно.

Тем не менее, отдельные из предлагаемых Н.П. Космарской категорий могут вызывать споры. Она обращает внимание на то, как часто в западной литературе говорят о русских диаспорах, но выступает скорее против такого словоупотребления. Точнее говоря, Н.П. Космарская обсуждает возможности диаспорного и автохтонного сценария интеграции русских. Но при этом она предпочитает говорить о русскоязычных как об автохтонах, поскольку многие из них родились в Киргизии и живут там на протяжении нескольких поколений. Но мне кажется, что тут опять же происходит смешение понятий, которое ненароком может завести нас в дебри. Поясню свою точку зрения. Традиционно автохтонами в США считаются индейцы. Вместе с тем, очевидно, что в этой стране нередко проживает несколько поколений семей мигрантов. Но значит ли это, что итальянцы или евреи, живущие в Америке на протяжении трех поколений, являются автохтонами? И тут неизбежно возникают сомнения. Все-таки коренной житель и автохтон — не всегда одно и то же. Под автохтонами чаще всего подразумеваются коренные народы, этногенез которых проходил на данной территории. Если говорить о русских в Центральной Азии, то с точки зрения местных жителей они все же скорее будут трактоваться как пришлое население. Во всяком случае, знание об этом в их памяти наверняка сохранилось. Не случайно русскоязычных в Центральной Азии иначе называют европейцами. В случае употребления понятия «диаспора», обсуждаемого Н.П. Космарской, стоит, наверно, прислушаться к мнению В.И. Дятлова (Дятлов 1999), который отмечает, что зачастую этот термин имеет устойчивое применение. Как правило, он используется в отношении живущих в рассеянии народов. В то же время привычное словоупотребление не позволяет нам говорить о британской или французской диаспоре. В этом смысле также непривычно воспринимается понятие «русской диаспоры». Может быть, это происходит потому, что русские — в целом имперская нация, поглощающая в себя других.

Один из дискуссионных моментов касается также выделения Н.П. Космарской миграционистского и интеграционистского подходов. Это условное разделение во многом носит оценочный характер, и преобладающая критика первого подхода представляется несправедливой. Строго говоря, мы можем выделить область исследований миграции, в то время как области исследования интеграции самой по себе не существует. Не думаю, что такое деление могло бы стать общеупотребитель-

тельным, даже если определенная логика в рассуждениях автора прослеживается. Судя по всему, Н.П. Космарская склоняется к сценарию дальнейшей интеграции русскоязычных в Киргизии. При этом вероятность других сценариев (например, ассимиляции, сепарации или маргинализации) ею вообще не рассматривается. В то же время этот вопрос связан с проблемой сохранения этнической идентичности русскими и другими русскоязычными. В других постсоветских странах (прежде всего в Латвии, Литве и Эстонии) возможны сценарии ассимиляции и сепарации.

Тем не менее, нужно подчеркнуть, что книга Н.П. Космарской представляет собой, по сути, первое осмысление опыта постсоветской трансформации в Киргизстане, сделанное на таком обширном материале. На ее основе было бы возможно сформулировать практические рекомендации по формированию более реалистичного курса миграционной политики, затрагивающей русскоязычных мигрантов. По аналогии с российскими немцами в Германии можно было бы ожидать, что более близкие в культурном отношении русскоязычные выходцы из постсоветских стран будут иметь определенные преимущества по сравнению с другими категориями мигрантов (на получение вида на жительство, гражданства и т. п.). Ясно и то, что выделение специальных зон для расселения соотечественников не создает эффекта притяжения к России. Оно является ошибочным, особенно в тех случаях, когда городских русскоязычных мигрантов расселяют в сельской местности.

В целом, по прочтении книги Н.П. Космарской складывается впечатление, что она «с водой выплеснула ребенка», не осознав до конца, что вышла на поле сравнительного изучения постсоветских трансформаций, при котором этническая проблематика, хотя и имеет значение, но не самое главное, оставаясь лишь одним из возможных компонентов исследований. В этом случае не меньшую роль может играть изучение политической структуры, экономики и языковых изменений. Экономическому аспекту в книге Н.П. Космарской тоже отводится место, хотя и не очень много. Отдельные зарисовки о повседневной экономике дают понять, что представляет собой жизнь обычных людей в Киргизстане и какие проблемы нас объединяют.

Что будет в этой стране дальше, неизвестно. Сама жизнь корректирует результаты исследовательских усилий ученых. Н.П. Космарская понимает это лучше, чем кто-либо другой. Поэтому ее прогнозы достаточно осторожны. Но мне кажется, что при наличии в России более благополучной социально-экономической обстановки и благоприятного приема русскоязычных мигрантов, многие могли бы все же уехать. Н.П. Космарская считает, что отъезд может произойти по экономиче-

ским соображениям. Действительно, сейчас это касается уже не только русских, но и киргизов, приезжающих в Россию с целью заработков. В то же время, не имея более привлекательных возможностей, русскоязычные будут оставаться и в Киргизии. Единственные факторы выталкивания, отмеченные Н.П. Космарской, угроза ислама и общей дестабилизации (с. 281–282). В свете последних событий вероятность усиления миграционных настроений не исключается.

Несмотря на критику, касающуюся использования отдельных понятий и расстановки акцентов, по всем основным линиям рассуждения с автором можно согласиться. Лично мне эта книга оказалась близка вдвойне еще и оттого, что Центральная Азия — регион, в котором родился и вырос мой отец, относившийся к категории русскоязычных. Мне и самой в советский период неоднократно доводилось проводить там летние каникулы. С другой стороны, мой интерес стимулировал и тот факт, что Н.П. Космарская попыталась сопоставить ситуацию русскоязычных в Центральной Азии и в странах Балтии. Скорее всего, ее книга найдет признание не только среди специалистов. Составляющими успеха в данном случае являются удачное название, выверенная структура текста, доступный стиль изложения. Книга Н.П. Космарской то и дело вызывает желание поспорить, но в любом случае она оставляет яркое впечатление.

Литература

Дамберг С.В., Киселева И.Г. «Другие русские»: роль в историческом сюжете // Вестник Евразии. 2001. № 3. С. 22–46.

Дятлов В.И. Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. 1999. № 1. С. 8–23.

Лебедева Н.М. Новая русская диаспора. Социально-психологический анализ. М.: ИЭА РАН, 1997.

Российская наука о «русских» ближнего зарубежья: итоги пройденного и новая повестка дня / отв. ред. Н.П. Космарская // Этнографическое обозрение. 2008. № 2.

Савоскул С.С. Русские нового зарубежья. Выбор судьбы. М.: Наука, 2001.